

“Я совсем другая”

Мир. — 1995. — 14 янв. — с. 5

Певца Анастасия приоткрывает тайны своей души

На ее концертах люди не впадают в психопатический транс, не издают истошные вопли, не топают ногами, не свистят, не затевают танцы в проходах зрительного зала. Короче — не “балдеют”. Ее слушают — и, главное, слышат. Многие песни Анастасии — словно маленькие спектакли: грустные, озорные, дерзкие. Они доступны и понятны всем, кто не утерял веру в доброту, красоту, любовь. И еще: в них слышен голос ее собственного сердца, повествующий чуткому слушателю о тайнах ее души.

Впрочем, может, все это — не более чем ловко сыгранная роль, или, как сейчас модно говорить, имидж? Ведь как-никак по образованию моя собеседница — профессиональная актриса.

— Да, я окончила Щукинское театральное училище, курс Ю. Катина-Ярцева, — поясняет Анастасия. — Собственно, вся моя жизнь от рождения прошла в артистической среде. Я как бы и не представляла для себя никакого другого способа существования.

— Но все же предпочли вы в конце концов эстраду?

— Я всегда любила петь. Хотя вокалу никогда специально не училась. Просто пела для себя, для друзей. Но работа в Московском драматическом театре эту мою любовь, мечты, стремления активно сдерживала. Заставляла, как сказал поэт, “становиться на горло собственной песни”. Ролями я не была обделена. Играла в спектаклях “Прощай, оружие”, “Безотцовщина”, “Ночные забавы”, “Белоснежка”. Однако этого казалось мало. Хотелось попробовать себя в режиссуре, драматургии, на эстраде.

Однажды я почувствовала неимоверную усталость и поняла: из театра надо уходить. И ушла — без колебаний, просто в никуда. Тогда был год Змеи. А я, замечу, как раз Змея по гороскопу. И, думаю, не какой-нибудь там уж, а по меньшей мере кобра. Известно же, что змея периодически меняет кожу. Вот и я однажды тоже “сменила” ее. Пришла на эстраду, стала актрисой, которая поет. Уроки театра постаралась не забыть — он ведь крепко научил меня ценить слово, его разительную силу. Текст в песнях для меня первичен, я как бы лишь “оформляю” его голосом. Причем живым голосом, заметьте, а не фонограммой... Параллельно увлеклась написанием стихов, песен, придумыванием сценических костюмов для своих выступлений. На сегодняшний

день считаю, что вполне нашла себя.

— И дальнейших принципиальных перемен не предвидится?

— Я редко заглядываю в будущее на 10, 20 лет вперед. Живу сегодняшним и немного завтрашним днем. Никогда ничего не планирую надолго, чтобы не разочароваться.

Что загадывать? Все равно жизнь мудрее нас. Вот еще не так давно я была отъявленной максималисткой. Но годы сделали свое дело: я стала более терпимой. Если раньше меня озлобляли поступки каких-то людей, то теперь я этих людей просто жалею. Учусь прощать и сочувствовать. Сейчас пресловутая житейская гонка захватила почти каждого человека, заставляя порой забывать о непреложных нравственных устоях. В то же время люди тоскуют по душевному теплу, нормальному человеческим отношениям. Я это ощущаю буквально кожей. Особенно когда попадаю в маленькие российские города. Их жители совсем не такие, как в столицах, — душевно чище, что ли...

— Соответствует ли ваш имидж тому, о чем вы поете?

— Все мои песни автобиографичны. У меня нет придуманного имиджа. Вообще не люблю этого популярного нынче словечка. Оно для меня ассоциируется с чем-то надуманным, замкнутым. Предпочитаю естественность, искренность, простоту вымученной экстравагантности, которой, увы, на нашей эстраде хватает с избытком.

— Не оттого ли, чтобы, так сказать, дистанцироваться от этого пестрого мира “искусственных цветов”, вы назвали свою новую концертную программу в стиле шансон “Я совсем другая”?

— Может быть. А может быть, и по-

тому, что не хочу, чтобы обо мне судили по первому, случайному впечатлению, призываю вслушаться в сокровенный смысл моих песен.

— У вас есть ангел-хранитель?

— Думаю, есть. Во всяком случае, я ощущаю иногда его присутствие — через голос интуиции, который не позволяет мне делать то, чего делать не следует. Не следует, например, мстить. Я и так знаю, что люди, причинившие мне зло, непременно будут наказаны. Им воздастся по справедливости. В этом смысле я ощущаю себя защищенной.

— Позвольте деликатный вопрос — вы верующий человек? Образно говоря, горит ли в вашей душе лампада?

— Там не сумерки. Но я живой человек и подвержена влияниям. И если чувствую, что от чьего-то недоброго дыхания огонек — пользуясь вашим же сравнением — заикался, плотно закрываю ставни, двери, замыкаюсь в себе. Уединение помогает справиться с душевными ранами.

— Сейчас появилось много мальчиков и девочек, которые, покупая эфир, морочат голову телезрителям своей “звездностью”.

— Я к таким “звездочкам”, а точнее — мотылькам, отношусь весьма скептически. “Болезнь” их считаю идущей не от большого ума, а от непомерных претензий. Знаете поговорку: чем больше в тарелке гарнира, тем незаметнее котлета... Нет, “звезда” — это нечто совсем иное. Это стабильные аншлаги, куда бы ты ни поехал, это способность отработать от звонка до звонка большую концертную программу, это каторжный труд на репетициях. Это талант, наконец.

— А себя вы причисляете к “звездам”?

— Это пусть решают зрители. Могу сказать одно: я от души стараюсь дарить людям радость, ощущение сопричастности к миру живых человеческих чувств, которые стремлюсь проявить в своих песнях-спектаклях. А уж звездой меня считать или просто кометой, или каким другим небесным телом — поверьте, дело десятое. Главное — чтоб не обозвали “неопознанным летающим объектом”...

Беседу вел
Валентина ТЕРСКАЯ.